

А.Н. Романова

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ СТИХОТВОРНОЙ СТРОЧКИ
(ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ А.И. ГОТОВЦЕВОЙ
«А<ЛЕКСАНДРУ>. С<ЕРГЕЕВИЧУ>. П<УШКИНУ>.»)¹**

Аннотация

В статье рассматривается история одной поэтической строки из стихотворения В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов»: «*Раевский, слава наших дней*». Изначально служившая восторженной характеристикой генерала Раевского, эта строка благодаря своей афористичности превратилась в крылатое выражение и была впоследствии трансформирована и использована другими поэтами: А.С. Пушкиным, А.И. Готовцевой, В.Я. Брюсовым, а также поэтом-любителем В.А. Коленовым. Исследование, направленное преимущественно на выявление интертекстуальных связей между произведениями литераторов пушкинской эпохи, позволяет по-новому осветить ряд известных литературных фактов и выявить новые, ранее не отмеченные художественные взаимодействия. Так, автор статьи впервые объясняет заимствование Пушкиным строки из послания А.И. Готовцевой для характеристики графа Хвостова в поэме «Медный всадник», показывает, что это заимствование передает ироническое отношение Пушкина не только к графоману Хвостову, но и к собственной славе, отрицание Пушкиным титула поэта-счастливица, любимца небес, присвоенного ему провинциальной поклонницей. Автор статьи комментирует отсутствие курсива в последней строке стихотворной записки Пушкина к Жуковскому (1819 г.) на основе анализа этого экспромта. Показано, что авторское написание могло быть следствием замысла, а не ошибки Пушкина, а значит, его следует сохранять при публикации стихотворения. Обращение к произведениям малоизвестных поэтов, таких как Готовцева и Коленов, позволяет дополнить сведения о том, как популярный художественный текст («Певец во стане русских воинов» Жуковского) функционирует в общенациональном сознании, не только сохраняя память об исторических событиях, но и стимулируя творческие усилия новых авторов.

Ключевые слова

В.А. Жуковский; А.С. Пушкин; А.И. Готовцева; Н.Н. Раевский; реминисценция; крылатое выражение.

¹Исследование выполнено в Костромском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-28-00058, <https://rscf.ru/project/24-28-00058/>).

A.N. Romanova

**ADVENTURE OF ONE VERSE
(FROM THE COMMENTARY TO A.I. GOTOVTSOVA'S POEM
"TO A<LEXANDER>. S<ERGEYEVICH>. P<USHKIN>.")¹**

Abstract

The article examines the history of one poetic line from V.A. Zhukovsky's poem "The singer in the camp of Russian soldiers": "Rayevsky, the glory of our days". Originally an enthusiastic description of General Rayevsky, this line, thanks to its aphorism, turned into a catch phrase and was subsequently transformed and used by other poets: A.S. Pushkin, A.I. Gotovtseva, V.Ya. Bryusov, as well as the amateur poet V.A. Kolenov. The study, aimed primarily at identifying intertextual connections between the works of writers of the Pushkin era, allows us to shed new light on a number of well-known literary facts and identify new, previously unnoticed artistic interactions. Thus, for the first time, the author of the article explains Pushkin's borrowing of a line from the message of A.I. Gotovtseva's characterization of Count Khvostov in the poem "The Bronze Horseman" shows that this borrowing conveys Pushkin's ironic attitude not only to the graphomaniac Khvostov, but also to his own fame, Pushkin's denial of the title of a lucky poet, a favorite of heaven, assigned to him by a provincial admirer. The author of the article comments on the absence of italics in the last line of Pushkin's poetic note to Zhukovsky (1819) based on the analysis of this impromptu. It is shown that the author's writing could have been the result of Pushkin's intention, not his mistake, which means that it should be preserved when publishing the poem. Referring to the works of little-known poets such as Gotovtseva and Kolenov allows us to supplement information about how a popular literary text (Zhukovsky's "The Singer in the Camp of Russian Soldiers") functions in the national consciousness, not only preserving the memory of historical events, but also stimulating the creative efforts of new authors.

Key words

V.A. Zhukovsky; A.S. Pushkin; A.I. Gotovtseva; N.N. Rayevsky; reminiscence; winged expression.

Осенью 1828 г. молодая поэтесса из Костромы Анна Готовцева передала П.А. Вяземскому послание, адресованное его знаменитому другу. Через несколько месяцев это стихотворение под заглавием «А.С.П.» было опубликовано в альманахе «Северные цветы на 1829 год» [Готовцева 1828, 180–181].

«О Пушкин! слава наших дней, / Поэт, любимый небесами!» – строчки, которыми начала свое обращение Анна Готовцева, звучат не только радостно и торжественно, но и афористично. Не случайно в наши дни их нередко используют в качестве названия или эпиграфа для пушкинских мероприятий, как правило, без обозначения авторства. Счастливое двустипшие Готовцевой, однако, не является в полной мере ее собственной творческой находкой. Оно появилось в результате творческого использования чужого, ранее существовавшего текста.

Источником первой строчки послания Готовцевой является стихотворение В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Здесь выражение

¹The work was done at Kostroma State University with the support of the grant of the Russian Science Foundation (RSF, project no. 24-28-00058, <https://rscf.ru/project/24-28-00058/>).

«слава наших дней» характеризует Николая Николаевича Раевского, одного из героев войны 1812 г.:

*Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С младенцами сынами!* [Жуковский 1812, 182].

(Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит источнику, полужирный шрифт – автору статьи. – А.Р.)

Строчки Жуковского отсылают к событиям 11 июля 1812 г. В сражении возле сел Салтановка и Дашковка Н.Н. Раевский командовал Смоленским пехотным полком. По преданию, генерал Раевский во время атаки повел на врага впереди строя своих сыновей: шестнадцатилетнего Александра и одиннадцатилетнего Николая: «Июль, 31. Петербург. В “Северной Почте” № 61 сообщается о том, что ген.-лейт. Раевский для одушевления воинов вышел “перед колонну, не только сам, но поставил подле себя двух юных сыновей своих”» [Летопись жизни и творчества 1999, I, 34]. Этот сюжет, описанный в газете «Северная почта», стал одним из легендарных эпизодов Отечественной войны 1812 г. К нему, кроме Жуковского, обращался также С.Н. Глинка. Его «Стихи генералу Раевскому» были опубликованы в 10 номере «Русского вестника» за 1812 г.:

Великодушный русский воин,
Всеобщих ты похвал достоин:
Себя и юных двух сынов –
Приносишь все царю и богу;
Дела твои сильней всех слов,
Ведя на бой российских львов,
Вещал: «Сынов не пожалеем,
Готов я с ними вместе лечь,
Чтоб злобу лишь врагов пресечь!..
Мы россы!.. умирать умеем» [Глинка 1971, 575].

Сам генерал иногда опровергал это предание [Батюшков 1977, 412–416], но оно стойко держалось в памяти соотечественников, прежде всего, благодаря поэтическому отклику Жуковского. А первая строка куплета, посвященного Раевскому, – «*Раевский, слава наших дней*» – обладала особой ясностью и звучностью, выгодно отличаясь, например, от стиха Глинки: «Раевский, веры сын, герой» [Глинка 1971, 575]. Возможно, это и предопределило ее дальнейшую самостоятельную жизнь в отечественной словесности.

Стихотворение «Певец во стане русских воинов» было необыкновенно популярно у современников. С юных лет знал его и Пушкин. О том, что оно постоянно «пульсировало» в памяти поэта, даже когда гроза двенадцатого года осталась в прошлом, свидетельствуют, например, строки из оды «Вольность», в которых ритмически и лексически отзывается строчка из «Певца»:

О стыд! о ужас наших дней!
Как звери вторглись янычары!..

Падут бесславные удары –
Погиб увенчанный злодей [Пушкин 2004, 14].

Содержание фрагмента, в котором описывается убийство императора Павла I, противоположно героическому пафосу «Певца во стане русских воинов». И эта разница оттенена реминисценцией. Вдохновляясь (может быть, произвольно) крылатой строкой Жуковского, Пушкин вносит часть ее в иной по смыслу контекст, создавая дополнительный эффект антитезы: слава наших дней – стыд, ужас наших дней (словосочетание «наши дни» в значении «настоящее время») [Фразеологический словарь... 2004, 324], безусловно, ощущается как устойчивое выражение, хотя фиксируется не всеми фразеологическими словарями (например: [Федоров 2008]).

В ноябре 1815 г. Пушкин получил в подарок от Жуковского первую часть его «Стихотворений», где в указанный фрагмент были внесены изменения:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами! [Жуковский 1999, 230].

Подробно о доработке автором текста «Певца во стане русских воинов» см.: [Янушкевич 1999, 595–605]. Причина изменения строки о сыновьях генерала Раевского здесь, впрочем, не поясняется [Янушкевич 1999, 602]. Возможно, поправка была обусловлена личным знакомством поэта с повзрослевшими героями его песни. Новый вариант не содержал столь эффектного внешнего контраста (младенцы среди ужасов битвы), но был точнее (сыновья Раевского и в 1812 г. едва ли могли называться «младенцами») и исключал возможность комического восприятия этого фрагмента.

Пушкин, как известно, обладал исключительной памятью и, вполне возможно, знал «Певца» наизусть целиком. А строки, относящиеся к генералу Раевскому, были для него пронизаны особым смыслом. Ведь в лицейские годы он познакомился и сблизился с сыновьями героя, особенно с Николаем [Летопись жизни и творчества 1999, I, 63]. Поэтому редактуру Жуковского он, конечно, заметил. В 1819 г. Пушкин оценил и обыграл изменение, внесенное автором в текст «Певца», в стихотворной записке, адресованной В.А. Жуковскому [Цявловский 1962]. Поводом к экспромту стало неудачное посещение квартиры Жуковского Пушкиным и Николаем Раевским-младшим:

Раевский, *молоденец* прежний,
А там уже *отважный сын*,
И Пушкин, школьник неприлежный
Парнасских девственниц-богинь,
К тебе, Жуковский, заезжали,
Но к неописанной печали
Поэта дома не нашли –
И, увенчавшись кипарисом,
С французской повестью *Борисом*
Домой уныло побрели.
Какой святой, какая сводня
Сведет Жуков<кого> со мной?

Скажи – не будешь ли сегодня
 С Карамзиным, с Карамзиной? –
 На всякий случай – ожидаю,
 Тронися просьбою моей,
 Тебя зовет на чашку чаю
 Раевс<кий> – *слава наших дней* [Пушкин 2004, 63].

(Отметим здесь, что в комментариях к этому стихотворению в новом академическом издании произведений Пушкина допущена досадная оплошность. Опровержение легенды о подвиге под Салтановкой, восходящее к запискам К.Н. Батюшкова, ошибочно приписано Раевскому-младшему: «Позднее Раевский-младший подчеркивал легендарный характер рассказов об этом событии (см.: Батюшков. Т. 2. С. 328), получивших, однако, широкое распространение» [Пушкин 2004, 608]. Подробнее об этом и об отношении Пушкина к легенде о подвиге генерала Раевского см: [Балакин, Лекманов 2017, 433–435]).

В шутивной записке Пушкин обыгрывает и строчку, прославляющую Раевского-старшего. Пушкин вплавляет патетическую характеристику из песни Жуковского в прозаический, бытовой контекст. Герой не летит в атаку перед полками, а ждет друзей на чаепитие. При этом автор поставил эту цитату в сильную позицию, завершив ею текст экспромта. Пушкин соединяет обыденное и героическое для создания шутивного настроения. Благодаря этому историческое воспоминание приобретает интимный, домашний характер. Кольцевая композиция стихотворения определяется не только повторным цитированием одного источника. Первые и последние строки связаны также мотивом естественного хода времени, ведущего к превращениям: молодец превратился в юношу (хоть и остался отважным сыном), а герой-военачальник – в радушного хозяина, что не мешает ему оставаться «славой наших дней».

М.А. Цявловский обращает внимание на то, что в первых строчках слова «молоденец» и «отважный сын» подчеркнуты Пушкиным, а последняя строка, также являющаяся цитатой, – нет. По предположению литературоведа, Пушкин не подчеркнул ее «по рассеянности» [Цявловский 1962, 364]. Однако в первом томе шеститомного Полного собрания сочинений Пушкина, вышедшем под редакцией Цявловского, написание подлинника было сохранено [Пушкин 1936, 259]. Исправить пушкинскую забывчивость было решено в академическом издании 1937–1949 гг. Здесь курсив в цитируемой строке «восстановлен». [Пушкин 1947, 108]. Такое же графическое оформление сохранено и в новом академическом издании: «Вслед за Акад. (Т. 2 . С. 108) в последнем стихе вводится пропущенный Пушкиным в автографе курсив, обозначающий цитату (как в ст. 1 и 2)» [Пушкин 2004, 608].

Но не исключено, что отсутствие подчеркивания не было результатом рассеянности, а отражало замысел поэта. Без выделения (кавычками или подчеркиванием) связь цитаты с первоисточником ослабевает, слова, характеризующие Раевского-старшего, воспринимаются не как фраза, придуманная Жуковским, а как всем известная истина. Она уже как будто никому не принадлежит и не имеет авторства. Раевский – действительно «слава наших дней», тот, которого **все** так называют: «...текст “Певца...” входит в русское общественное сознание. По замечанию Ц.С. Вольпе, “характеристики героев были подхвачены и сделались крылатыми словами”» [Янушкевич 1999, 600].

Возможно, Пушкин и указал на то, что строка приобрела характер крылатого выражения, а значит, способна отрываться от изначального контекста и жить собственной жизнью, в том числе включаясь в иные тексты и не воспринимаясь как цитата.

Пушкинское наблюдение спустя несколько лет подтвердит костромская поэтесса, вступившая в 1828 г. в заочный диалог с Пушкиным. Анна Готовцева не была знакома с текстом пушкинской шуточной записки. В ее читательском сознании строка Жуковского существовала в своем изначальном, торжественно-высоком звучании. Но оборот «слава наших дней», очевидно, ею (как и Пушкиным) воспринимался как достаточно самостоятельное крылатое выражение. Более того, для начинающей писательницы этот оборот стал одним из «поэтизмов», уже не привязанным ни к конкретному герою (Раевскому), ни к событию (войне 1812 г.), вошел в общую копилку образных речений, откуда можно заимствовать выразительные средства. Так и поступает поэтесса, создавая свои послания к Ю.Н. Бартеневу и Пушкину.

Готовцева использовала афористичную строчку Жуковского дважды. В стихотворении «К Ю.Н. Бартеневу» она применила характеристику «слава наших дней» сразу ко многим русским поэтам:

Поэты русские, о слава наших дней!
Не истребитесь вы из памяти моей:
Я чувства чувствами, мечту мечтой сменяла,
Когда язык богов из уст златых внимала [Готовцева 1828 б, 30–31].

А в стихотворении «А.С.П.», обращаясь к любимейшему из поэтов-современников, соединила эту же строчку с новым эпитетом, характеризующим поэтическую индивидуальность Пушкина. Определение «Поэт, любимый небесами» дополнило цитату из Жуковского, завершив тот образ Пушкина, который сложился у читательницы, поклонницы:

О Пушкин! слава наших дней,
Поэт, любимый небесами!
Ты век наш на заре своей,
Украсил дивными цветами... [Готовцева 1828 а, 180].

Ни самой Готовцевой, ни издателям «Северных цветов» при этом не приходит в голову обозначить цитатный характер заимствованной поэтической строки.

Известно, что послание Готовцевой вызвало раздражение Пушкина. Основной причиной был содержащийся в нем неясный упрек. Об этом см: [Бочков 2002; Вацура 2004; Рогова 2017; Романова 2020]. Но можно предположить, что и хвалебные строчки обращения сыграли в этом определенную роль. Замена имени Раевского на имя Пушкина в крылатой строчке из «Певца...» едва ли польстила Пушкину. А звание любимца небес не вполне совпадало с жизненными обстоятельствами поэта. Осенью 1828 г., когда он получил от Вяземского послание Готовцевой, жизнь Пушкина была далеко не безоблачной. Только что завершилась история с распротранявшимися в рукописи фрагментами стихотворения «Андрей Шень», и уже разворачивалась еще более тревожная для

поэта история с «Гавриилиадой». Тучи сгушались, и тень новой ссылки грозно нависла над Пушкиным [Летопись жизни и творчества 1999, II, 336–448]. В этой ситуации восторженные строки послания Готовцевой должны были восприниматься «любимцем небес» с горькой иронией.

Однако выражение, включавшее цитату из Жуковского, оказалось удачным. Оно запоминалось и легко переходило из уст в уста. А.Н. Вульф записывает в дневнике: «В Крещение приехал к нам в Старицу Пушкин, “слава наших дней, поэт, любимый небесами”, – как его приветствует костромской поэт, госпожа Готовцова» [Вульф 2016, 94].

Контекст высказывания Алексея Вульфа – непринужденные дружеские отношения, жизнерадостная атмосфера Берново и Малинников, где Пушкин зимой 1829 г. отдыхает душой в кругу провинциальных барышень и добрых приятелей. Строчки костромской поэтессы приведены как шутливая характеристика, которой скорее добродушно поддразнивают Пушкина, чем торжественно именуют всерьез. «Поэт, любимый небесами», «приехал в Старицу». Образуется такая же смесь бытового и патетического, как в пушкинской записке Жуковскому, где «чашка чаю» соседствует со «славой наших дней».

Неизвестно, пришла цитата на память Вульфу потому, что он прочел альманах «Северные цветы на 1829 год», где послание Готовцевой было опубликовано, или Вульф услышал стихи Готовцевой от своих знакомых или самого Пушкина. Вероятно, имело место и то, и другое. Как видим, Вульф верно цитирует послание и помнит фамилию поэтессы, а также именует ее «костромским поэтом». О месте жительства Готовцевой в альманахе ничего не было сказано, значит, это Вульф мог узнать только из разговоров с Дельвигом, или Пушкиным, или кем-то, кто был посвящен в детали состоявшейся публикации. Это доказывает, что послание костромички было предметом обсуждения в пушкинском кругу и имя Готовцевой упоминалось неоднократно. Строчка, памятная Пушкину с отроческих дней, теперь накрепко срослась с его собственным именем и с новым титулом «поэт, любимый небесами».

Впрочем, этот титул, вероятно, по-прежнему Пушкину не нравился. Во всяком случае, спустя несколько лет он попытается оторвать его от своей звонкой фамилии и прикрепить к другому поэту. В поэме «Медный всадник», описывая утро после наводнения, Пушкин использует цитату из послания Готовцевой для характеристики графа Хвостова.

Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,
На службу шел. Торгаш отважный,
Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал,
Сбираясь свой убыток важный
На ближнем выместить. С дворов
Своили лодки.

Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье Невских берегов [Пушкин 1978, 268–269].

Строчка, заимствованная у Жуковского («слава наших дней»), при этом была отброшена. А вот собственно готовцевское определение Пушкин «передаривает» Хвостову, полностью меняя эмоциональное содержание цитаты. Вместо восхищения или добродушной шутки в этих строчках проступает сарказм. «Поэт, любимый небесами» здесь – образ, противопоставленный автору-повествователю. Его безмятежная деловитость, старательная графомания, не смущаемая картинами общего бедствия и свидетельствами человеческого равнодушия, подана автором как счастье глупца, недостижимое для самого рассказчика и глубоко чуждое ему. Хотя в наивном энтузиазме Хвостова-певца есть нечто вызывающее зависть, то, что сродни живучести делового Петербурга с его неунывающими чиновниками и торгашами.

Итак, Пушкин дал новую долгую жизнь одной строке из послания Готовцевой, включив этот стих в свою поэму. Но обыгрывая ее обращение, он горькой усмешкой отвечает и ей, и всем, кому поэт видится безмятежным счастливецом, любимцем небес. И хотя вторая (вернее первая) строка обращения здесь опущена, но печальная тень брошена и на «славу наших дней», принадлежащую деловитым, ничем не смущаемым стихотворцам-ремесленникам или графomanам.

Между тем строка, некогда сочиненная Жуковским, продолжила жизнь в отечественной словесности. С одной стороны, теряя индивидуальный и конкретный характер, становясь все более «крылатой», она приобретает дополнительные возможности смысловых сочетаний и трансформаций. Например, в начале XX в. она прозвучит в «Памятнике» Валерия Брюсова, отсылая уже не к «Певцу...» Жуковского, но к известнейшему образу «мирской славы»:

Что слава наших дней? – случайная забава!
Что клевета друзей? – презрение хулам!
Венчай мое чело, иных столетий Слава,
Вводя меня в всемирный храм [Брюсов 1973, 96–97].

С другой стороны, вплавленная в текст Готовцевой и связанная благодаря Готовцевой с именем Пушкина, она стала источником новых подражаний и цитаций.

П.Е. Щеголев в 1930 г. в статье «Обожатели Пушкина» приводит сведения о поклонниках, посылавших в дар поэту свои стихи [Щеголев 1930]. Один из них – мелкий чиновник из Юрьева-Польского Владимирской губернии Вячеслав Андреевич Коленов. В письме к Пушкину в мае 1835 г. он поместил большое стихотворение «Александру Сергеевичу Пушкину». «Это послание, – пишет Щеголев, – любопытно, как неприятительное свидетельство об искреннейшей восторженной любви захолустного обывателя к Пушкину и о том влиянии, которым пользовался Пушкин в тридцатых годах даже в такой далекой провинции» [Щеголев 1930, 188]. Но оно интересно еще и тем, что свою любовь к Пушкину обыватель из захолустья выражает, перелицовывая не только самого Пушкина, но и стихотворение Анны Готовцевой, теперь уже ее строчку вплавляя в свои стихи как крылатое выражение:

Поэт, любимец юных Граций,
О, Пушкин! Слава наших дней,
Живи, наш Северный Гораций,

И пой, прелестный Соловей,
Для славы русской и своей [Щеголев 1930, 190].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакин А.Ю., Лекманов О.А.¹ <О «Некрологии генерала от кавалерии Н.Н. Раевского»> // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3: Л–О. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 433–435.
2. Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. 607 с.
3. Бочков В.Н. «Твой недосказанный упрёк» // Бочков В.Н. Костромские спутники Пушкина: историко-художественные очерки. Кострома: Губернский дом, 2002. С. 141–153.
4. Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1973. 494 с.
5. Вапуру В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига – Пушкина // Вапуру В.Э. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 3–222.
6. Вульф А.Н. Дневник 1817–1842 годов. Любовные похождения и военные походы. / Пред., подг. текста и комм. Е.Н. Строгановой и М.В. Строганова. М.: АСТ, 2016. 464 с.
7. Глинка С.Н. Стихи генералу Раевскому // Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Советский писатель, 1971. С. 575–576.
8. (а) Готовцева А.И. А<лександр>.С<ергеевич>.П<ушкину>. // Северные цветы на 1829 год. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1828. С. 180–181.
9. (б) Готовцева А.И. К Ю.Н. Бартеневу // Северные цветы на 1829 год. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1828. С. 30–31.
10. Жуковский В.А. Певец во стане Русских воинов // Вестник Европы. Часть LXVI. 1812. № 23–24. С. 176–196.
11. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1999. 758 с.
12. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. / сост. М.А. Цявловский. М.: СЛОВО / SLOVO, 1999.
13. Пушкин А.С. Медный всадник. Л.: Наука, 1978. 288 с.
14. Пушкин А.С. Ответ («И недоверчиво и жадно...») // Северные цветы на 1829 год. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1828. С. 182.
15. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1936. 825 с.
16. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 2. Ч. 1. М.; Л. Издательство Академии наук СССР, 1947. 607 с.
17. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 2. Стихотворения. Кн. 1. СПб.: Наука, 2004. 740 с.
18. Рогова А.И. Ответ А.И. Готовцевой // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3: Л–О. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 558–561.
19. Романова А.Н. Собеседница поэтов Анна Готовцева. К истории литературных отношений пушкинской эпохи // Литература в школе. 2020. № 2. С. 62–75.
20. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка М.: Астрель; АСТ, 2008. 828 с.
21. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. А.Н. Тихонова. Т. 1. М.: Наука, 2004. 832 с.
22. Цявловский М.А. «Раевский, молодец прежний...» // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 364–365.
23. Щеголев П.Е. Обожатели Пушкина // Московский пушкинист. Статьи и материалы под ред. М.А. Цявловского. М.: Федерация, 1930. С. 184–195.

¹Олег Андершанович Лекманов включен Министерством юстиции России в реестр иностранных агентов 25 октября 2024 г.

24. Янушкевич А.С. Примечания: Певец во стане русских воинов («На поле бранном тишина...») // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 595–605.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Romanova A.N. Sobesednitsa poetov Anna Gotovtseva. K istorii literaturnykh otnosheniy pushkinskoy epokhi [Interlocutor of Poets Anna Gotovtseva. On the History of Literary Relations of the Pushkin Era]. *Literatura v shkole*, 2020, no. 2, pp. 62–75. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Balakin A.Yu., Lekmanov O.A. <O “Nekrologii generala ot kavalerii N.N. Rayevskogo”> [On the “Obituary of Cavalry General N.N. Rayevsky”]. *Pushkinskaya entsiklopediya: Proizvedeniya* [The Pushkin Encyclopedia: Works of Art]. Issue 3. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 433–435. (In Russian).

3. Bochkov V.N. “Tvoy nedoskazanny uprek” [“Your Unspoken Reproach”]. Bochkov V.N. *Kostromskiy sputnik Pushkina: istoriko-khudozhestvennyye ocherki* [Kostroma Companions of Pushkin: Historical and Artistic Essays]. Kostroma, Gubernskiy dom Publ., 2002, pp. 141–153. (In Russian).

4. Rogova A.I. Otvet A.I. Gotovtsevoy [The Answer of A.I. Gotovtseva]. *Pushkinskaya entsiklopediya: Proizvedeniya* [The Pushkin Encyclopedia: Works of Art]. Issue 3. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 558–561. (In Russian).

5. Shchegolev P.E. Obozhateli Pushkina [Admirers of Pushkin]. Tsyavlovskiy M.A. (ed.). *Moskovskiy pushkinist* [Moscow Pushkin Studies]. Moscow, Federatsiya Publ, 1930, pp. 184–195. (In Russian).

6. Tsyavlovskiy M.A. “Rayevskiy, molodenets prezhniy...” [“Rayevskiy, Former Child”]. Tsyavlovskiy M.A. *Stat'i o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Moscow, AS USSR Publ., 1962, pp. 364–365. (In Russian).

7. Vatsuro V.E. “Severnnyye tsvety”. Istoriya al'manakha Del'viga – Pushkina [“North Flowers”. History of Pushkin's and Del'vig's Almanac]. Vatsuro V.E. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 3–222. (In Russian).

8. Yanushkevich A.S. Primechaniya: Pevets vo stane russkikh voinov (“Na pole brannom tishina...”) [Notes: A Singer in the Camp of Russian Soldiers (“Silence on the Battlefield...”). Zhukovskiy V.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [The Complete Works and Letters]: in 20 vols. Vol. 1. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999, pp. 595–605. (In Russian).

(Monographs)

9. Tsyavlovskiy M.A. (comp.). *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina* [Chronicle of the Life and Work of Alexander Pushkin]: in 4 vols. Moscow, SLOVO / SLOVO Publ., 1999. (In Russian).

Романова Алена Николаевна,

Костромской государственной университет.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии Института гуманитарных наук и социальных технологий.

Научные интересы: история русской литературы XIX–XX вв., творчество А.С. Пушкина.

E-mail: romanovaal@mail.ru

ORCID ID: 0009-0007-6794-1250

Alena N. Romanova,

Kostroma State University.

Candidate of Philology, associate Professor at the Department of Russian Philology, Institute of Humanities and Social Technologies.

Research interests: Russian literature of the 19th – 20th centuries, Pushkin's poetry.

E-mail: romanovaal@mail.ru

ORCID ID: 0009-0007-6794-1250